

З. П. Соколова

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ, ИЛИ ПРЕДКОВЫЕ, ИМЕНА У ОБСКИХ УГРОВ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОБЫЧАИ

Вопрос о характере имен у хантов и манси изучен еще довольно слабо. Ему специально посвящена только одна работа — небольшая наша статья¹. Однако по этому вопросу неоднократно высказывались различные авторы (Г. Новицкий, В. Н. Чернецов и др.). Чаще всего эти материалы вкраплены в общие сведения о хантах и манси; они неполны, зачастую противоречивы. Ввиду ограниченности объема данной статьи мы остановимся лишь на одном аспекте проблемы — на так называемом «фонде родовых имен»², или наследственных (предковых) именах, существовавших у обских угров в прошлом.

В одной из своих работ Г. Новицкий пишет: «Егда им народятся чада... остяк недоумевая родившемуся отрочати наложить имя и наректи е, но исходить от дому своего, иская путь шествующих в близкости себе христиан ... молит я назнаменовать родившееся каким именем, и посему множество случыся зрети русским именами нарицающихся в своем их зловерии. Егда же случай недоумению его не подает помощи умолити себе изыскать у каковых людей имени, тогда что первое узреть изшедши из дому: птицы, звери или что ни будь, тем именем родившееся нарицает»³. О сходном обычае сообщает С. Патканов: «Некоторые дети получают свои прозвища по первым лучшим людям, с которыми родители встретятся при рождении или вскоре после него, или по каким-либо вещам, на которые к тому времени упадет взгляд»⁴. И. Г. Георги указывает на то, что у манси имя ребенку дает чужой человек, у хантов — отец. Девушки часто имен не имеют⁵.

Иначе пишет об этом обычае В. Ф. Зуев: «Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают ему уже настоящее имя или по сходству какого-нибудь умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно... (далее идет список ненецких имен, см. приложение.— З. С.). Такие имена дают родители 15-летним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, естли без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только

¹ З. П. Соколова, О происхождении обско-угорских имен и фамилий, сб. «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем», М., 1970.

² В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. LI, М., 1959, стр. 140.

³ Г. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком, СПб., 1884, стр. 30.

⁴ S. Patkanov, Die Irtisch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, Bd I, S.-Ptb., 1897, S. 154.

⁵ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. I, СПб., 1776, стр. 73.

бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит»⁶. Здесь речь идет, правда, о ненцах, но мы знаем, что В. Ф. Зуев при описании северных хантов и ненцев их не разделял. Приведенные В. Ф. Зуевым данные полностью повторяют П. С. Паллас⁷ и Ф. Белявский⁸, в том числе и список ненецких имен. Если П. С. Паллас почти дословно воспроизводит слова В. Ф. Зуева, то Ф. Белявский их несколько перефразирует: «Каждый род или поколение имеет свои имена, даваемые по назначению родных или в память покойных: присвоение же имени из чужого рода и без согласия считается величайшей обидой, и дело оканчивается не иначе, как дракой»⁹. Термин «род» употреблен им уже по собственной почину. В. Н. Чернецов, говоря о роде у обских угров и цитируя это высказывание Ф. Белявского, сделал вывод об имеющемся у них особом фонде родовых имен. Существование его он связывал с представлениями о реинкарнирующей душе у обских угров: новорожденный — перевоплощение родственника или сородича, в него вселяется душа этого родственника, он обладает его отличительными признаками, получает его имя и даже тамгу. Опираясь на высказывания своих предшественников, В. Н. Чернецов выделил несколько категорий обско-угорских имен: имена предков-родичей, которые даются новорожденному; повседневные (защитные) имена, также даваемые новорожденному на период, пока в него не вселится душа предка; защитные имена, которые приходили на смену вторым и сохранялись до 15 лет, и, наконец, имена, которые получали юноши по достижении зрелости, т. е. с 15 лет. О характере имен первой и последней категории из литературы нам ничего не известно. Повседневные или защитные имена, отмечает В. Н. Чернецов, могли быть такими, как их описывают Г. Новицкий и С. Патканов, и добавляет еще одну выдержку из работы С. Патканова: «Если у кого из остяков умирают дети, то он предпочитает для новорожденного выбирать прозвище среди вредных или докучливых животных и бесполезных вещей, полагая, что ребенок в этом случае будет жить дольше. Так, например, называют ребенка «Мясная Муха» или кладут ему на голову на 1—2 часа мусор и называют «Мусор»¹⁰.

Таковы вкратце сведения о характере обско-угорских имен. Списки традиционных имен хантов и манси можно составить по архивным документам — ясачным книгам¹¹, метрическим книгам церкви¹², ревизским сказкам (переписям)¹³ и т. д.

В настоящей статье мы остановимся лишь на материалах ревизских сказок. Особый интерес представляют материалы четвертой (1782 г.) и пятой (1795 г.) ревизий по Обдорской волости Березовского уезда, сохранившие списки традиционных имен некрещеных хантов. Они касаются именно тех групп хантов, которые описывал В. Ф. Зуев, причем хронологический отрезок времени также в основном совпадает.

В Обдорской волости в конце XVIII в. проживало 1624 человека мужского и женского пола (348 хозяйств)¹⁴. Они проживали в 13 городках. В восьми из них (Обдорском, Полуйском, Пелважском, Вылпослинском,

⁶ В. Ф. Зуев, Описание живущих Сибирской губернии Березовском уезде иноверческих народов — остяков и самоедцов, «Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772)», ТИЭ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 65, 66.

⁷ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. IV, ч. 3, половина 1-я, СПб., 1788, стр. 99, 100.

⁸ Ф. Белявский, Путешествие к Ледовитому морю, М., 1833, стр. 123.

⁹ Он приводит затем тот же список ненецких имен (по В. Ф. Зуеву).

¹⁰ S. P a t k a n o v, Указ. раб., стр. 154.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, кн. 1, 10, 19 и др.

¹² Государственный архив Тюменской области в Тобольске (далее — ГАТОТ), 154, оп. 8, св. 30, № 72; св. 29, № 70.

¹³ ГАТОТ, ф. 156 (Духовная Консистория), оп. 20, св. 459—461.

¹⁴ Перепись населения в ревизских сказках дана по ясачным плательщикам, а не главам хозяйств, поэтому выделение отдельных хозяйств не всегда может быть точным.

Войтважском, Воксарковском, Ворважском, Надымском) население почти полностью было некрещеным и имело традиционные имена, а в остальных (Собском, Шурышкарском, Войкарском и Аспукольском) было крещеным и потому записано под русскими (христианскими) именами, отчествами и фамилиями. Всего нами отмечено 985 традиционных имен, из них, судя по предварительному анализу, 30 определенно сходны с ненецкими, 10 — с русскими (Васка, Матви и др.).

Большинство имен никак не расшифровывается, хотя надо иметь в виду, что часть их была искажена писцами. Вероятно, квалифицированный лингвистический анализ, а также сравнение с ненецкими именами помогут дополнительно расшифровать некоторые имена. Особую группу составляют имена, этимология которых ясна: *сасвелта* — берестяное лицо (так называлась берестяная маска для медвежьего праздника), *нора* — полка, *неня*, *няни* — хлеб, *ай выли* — маленький олень, *ай хо* — маленький человек, *лули* — птица, *нави юх* — белое дерево, *сойнах* — щука и др. Таких имен 16. Есть имена сложные, состоящие из нескольких частей: *кунават хой* (куноватский человек), *аран иги* (очевидно, зырянин-старик), *лархой* (человек с луга). Подобных имен 17. Имеются также имена, состоящие из русских слов: тунгус, белка, денга, шишка, горбун, туча, заика, комар, но их тоже немного — 8. Некоторые имели по два имени — Мукия, он же Немтя; Хазео, он же Мани; Лорым, он же Теп; Кортур, он же Ензя.

Часть имен нельзя даже назвать именами собственными — это либо термины родства: *пох* (сын), *няврем* (ребенок), *ики* (старик), либо слова, означающие возраст человека и производные от них: *ай пох* (маленький сын), *ай няврем* (маленький ребенок), *ер иги* (*ер* — край, *рубеж*, *иги* — старик) и др. Но таких «имен» нами выявлено всего 13.

В целом для обских угров характерны как обилие личных имен, так и их неповторяемость. Например, из 985 традиционных имен Обдорской волости повторялись в разных селениях (городках) этой волости и в других¹⁵ волостях лишь 135. Подавляющее большинство населения (около 80%) имели имена, ни у кого более не встречающиеся. Это соответствует данным о том, что обские угры не давали детям таких имен, которые уже имели окружающие их люди. Так, например, еще до недавних пор, как нам сообщили наши сыновские и куноватские информаторы, существовал обычай давать новорожденному непременно новое имя, которое не носил в данное время никто из сородичей или жителей данного селения. В связи с этим у хантов и манси широкое распространение получили новые, ранее им неизвестные имена — Станислав, Альбина, Игорь и др.

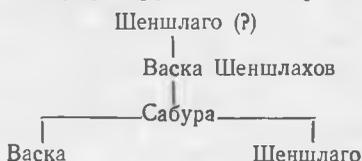
Ханты и манси верили, что из двух людей, имеющих одинаковые имена и живущих в одном селении (раньше, очевидно, в пределах одной генеалогической группы), кто-то один должен обязательно умереть. Если же все-таки оказывалось, что в одном селении жили тезки и один из них умирал, другому срочно меняли имя, чтобы он не умер.

Тем не менее в ряде селений и волостей встречаются одинаковые имена; более того, оказывается, что в одном и том же селении жили люди с одинаковыми именами. Но таких имен немного, это скорее исключение из общего правила.

Так, в одной семье живых тезок не отмечено. В то же время у лиц, живущих в разных семьях одного и того же селения, 52 имени повторились дважды, 10 имен — трижды, два имени — четырежды. Зафиксирована также повторяемость имен у жителей разных селений Обдорской волости; таких случаев 13. Это в общем очень немного, особенно, если сравнить эти данные с материалами по распространению церковью сре-

¹⁵ Данные по другим волостям привлечены нами для сравнения по ясачным книгам за XVI—XVII вв.

сын Сабура, а у него в свою очередь сыновья Васка и Шеншлаго (одно имя перешло от деда к внуку, другое — от прадеда к правнуку и т. д.).

На основе анализа имен и отчеств нами реконструированы большие генеалогические или патронимические группы. Например, в Надымском городке в семи хозяйствах (33 человека) из 20 имен — три наследственных. Эти хозяйства входят в состав двух групп, связанных каким-то родством (схема 1).

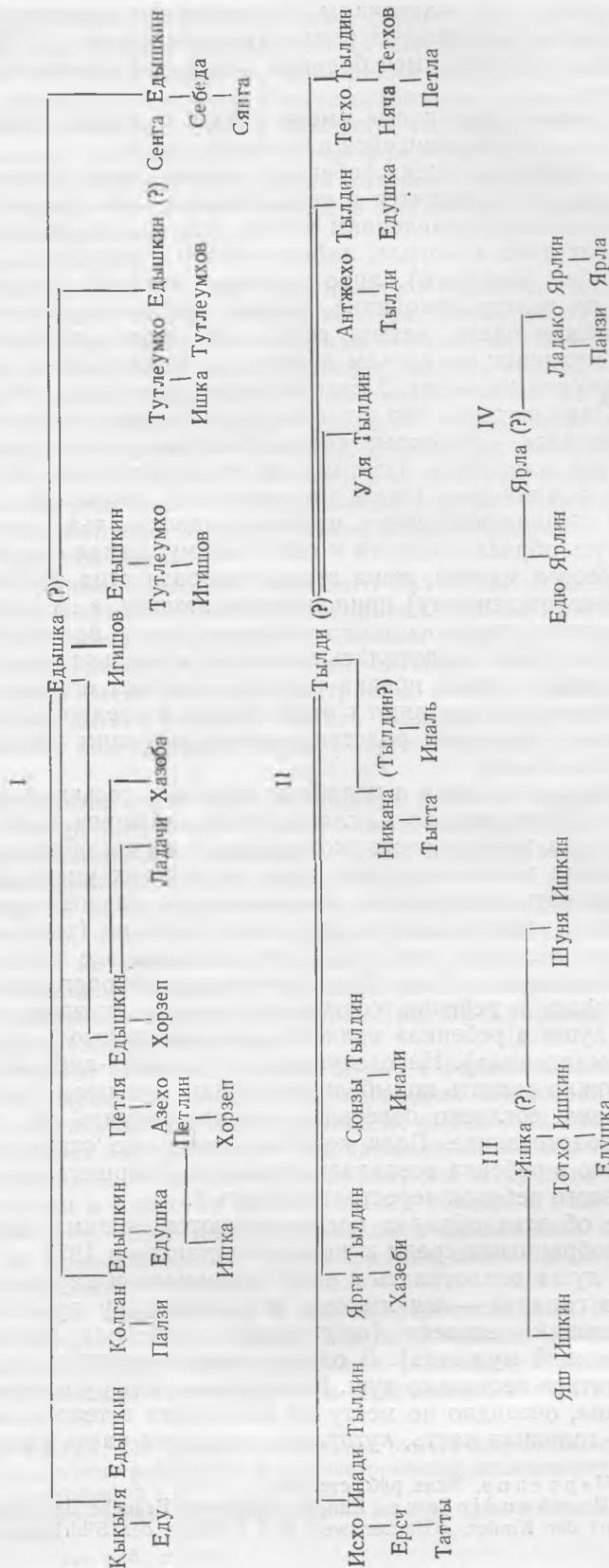
Правомерность такой реконструкции подтверждается материалами, касающимися 18 хозяйств (Тылдних, Едышкиных, Петлиных, Ишкиных и Ярлиных) из Обдорского городка. Эти хозяйства входят, очевидно, в четыре родственные группы. У 183 человек этой большой патронимической или генеалогической группы 92 традиционных имени, среди них 15 наследственных, повторяющихся у разных лиц данной группы (в разных поколениях) 2—6 раз. Это имена: Ишка (Исхо), Тотхо (Тетхо, Тыта, Татты), Еду (Едю, Удя, Едушка), Ярла (Ярги), Панзи (Палзи), Ладако (Ладачи), Тылди, Инади (Инали, Иналь), Хазеби (Хазоба), Петла (Петля), Хорзеп, Игишов, Сенга (Сянга), Тутлеумхо, Азехо (Антжехо). Очевидно, имена предков можно восстановить по отчествам их детей: Едышка, Тылди, Ишка и Ярла. Возможно, они были братьями (схема 2).

Среди наследственных имен встречаются как этимологически неясные (или в силу изменений в написании утратившие смысловое значение), так и имеющие определенный смысл (Хотан — лебедь, Ленгу — белка, Поя — ольха), есть имена типа прозвищ, характеризующие качества, свойства человека (например, Удази — слаборукий). Такого же характера и русские прозвища, фигурирующие в документах в качестве имен (Заика, Атаманко, возможно, Гусь, Отчем). В роли наследственных имен выступают и термины родства (Аги, Игишов — от Иги), составные слова из термина родства и слова «маленький» (Айпох, Айпоже).

Одинаковые наследственные имена почти не встречаются в разных семьях, хотя есть и исключения из общего правила. Так, из 85 наследственных имен встречаются одновременно в нескольких семьях одного городка 9 имен, в разных городках — 18 и в разное время в других волостях — 5 (мы не учитываем несколько сомнительных и неясных случаев, а также имен, образованных от степеней родства).

Наследственных имен, таким образом, выявлено не очень много (менее 10% всех имен волости), но уверенности в том, что их список исчерпан, нет. Очевидно, в конце XVIII в. обычай давать наследственные или предковые имена уже уходил в прошлое. Следовали ему уже не столь строго, как сообщает В. Ф. Зуев, имена можно было заимствовать (очевидно, с разрешения семьи или группы).

Схема 2

Имеющиеся у нас материалы подтверждают наличие в прошлом у обских угров наследственных имен. Применительно к XVIII в. мы можем говорить о фондах имен больших семей или, возможно, патронимических групп.

Обычай давать предковые имена связан у обских угров с их представлениями о возрождающейся в потомках душе.

Обряд присвоения имени ребенку у обских манси, связанный с определением, чья душа вселится в него, впервые был описан В. Н. Чернецовым. Согласно представлениям манси, одна из душ человека после его смерти живет либо в могиле, либо в особом вместилище души (кукле, изображающей умершего), либо в котле, который у северных хантов надевался на голову покойника. Душа пребывала там определенный срок: по словам одних, четыре года, если умерла женщина, пять лет, если умер мужчина; по словам других — в течение того срока, который умерший прожил на земле. Затем душа возрождалась в новорожденном сородиче. Одни считали, что душа женщины может вселиться в четырех, а душа мужчины — в пятерых новорожденных; другие — соответственно в двух и трех младенцев. Поэтому вскоре после родов, когда мать еще находилась в *мань-коле* (доме для рожениц), пожилые родственницы совершали специальный обряд, чтобы определить, чья душа вселилась в ребенка. Суть обряда сводится к следующему: самая старшая женщина (старшая сестра матери, жена старшего брата отца, бабушка по отношению к новорожденному) приподнимает люльку, а остальные произносят вслух имена умерших родственников. Когда называется имя того умершего, чья душа воплотилась в младенца, люлька как бы прилипает к полу. Вместе с душой предка ребенок получает его имя. Более того, его полностью отождествляют с этим умершим предком или родственником¹⁷, называя термином родства, соответствующим умершему предку, а не новорожденному.

Аналогичные сведения о подобном обычае у сосвинских манси приводит и Е. И. Ромбандеева. Согласно поверьям манси, в новорожденного вселяется душа того человека, который при жизни обладал сильной волей. В ребенка могут вселиться души нескольких умерших людей; они могут передавать душу детям, родившимся в разное время: пять раз, если это был мужчина; четыре раза, если женщина (так как у мужчины пять душ, а у женщины четыре). Таким образом, все души оказываются реинкарнирующимися. Сам обряд, с помощью которого определяют, чья душа вселилась в ребенка, состоит из нескольких эпизодов. Сигналом «вселения души в ребенка» является его крик ночью («душа умершего беспокоит младенца»). На следующий день какая-либо женщина начинает осторожно двигать колыбель со спящим малышом, приподнимая ее. При этом она, согласно поверьям, должна думать об определенном умершем родственнике. Если колыбель внезапно станет тяжелой, это означает, что в ребенка вселилась душа того умершего, о котором думали. После этого ребенок перестает плакать¹⁸.

Данные об этих обрядах подтверждаются нашими полевыми материалами, собранными среди куноватских хантов в 1973 г. Они «определяли», чья душа воплотилась в новорожденного, и нарекали его именем с помощью гадания — *хоя лыксыс*. Эту процедуру проводил специальный «гадающий человек» (*шарты нэ* — гадающая женщина, *шарты ики* — гадающий мужчина). В одного новорожденного, по их мнению, могло вселиться несколько душ. Нам назвали цифру четыре, перечислив три названия, очевидно по месту их вхождения в тело новорожденного: *оханшун* — головная часть, *кутапшун* — средняя часть туловища, *курап-*

¹⁷ В. Н. Чернецов, Указ. раб., стр. 140.

¹⁸ E. J. Rombandjeewa, Einige Sitten und Bräuche der Mansen (Wogulen) bei der Geburt der Kinder, «Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker», Budapest, 1963.

шун — нижняя часть (ноги). Если же учесть, что у обских угров в ритуальных обрядах был принят особый счет (4 или 40 для женщин, 5 или 50 для мужчин) в сроках поминок, соблюдения траура, хранения «вместилищ душ умерших», медвежьим культе, связанном с представлением о четырех душах у женщины и пяти у мужчины, то, вероятнее всего, здесь речь шла о душах, вселяющихся в новорожденную. Считалось, что младенец похож на того человека, душа которого вселилась в него, он его *ляксыс*. Младенцу давали его имя и в дальнейшем отождествляли с тем, кто передал ему свою душу.

Приведем два примера.

Наш информатор Люда Т., как выяснилось в процессе гадания, оказалась *ляксыс* бабки Лукерьи, матери ее отца. Согласно традиции, ей должны были дать имя бабки и не сделала этого лишь потому, что старинными русскими христианскими именами, такими, как Лукерья, Харитинья, Фрол, Симеон, Секлетинья и др., сейчас детей не называют. Среди обских угров широко распространились современные русские и европейские имена (Александр, Антонина, Станислав, Людмила и др.). Однако в быту, как это принято у хантов и манси, Люду называли не по имени, а термином родства, соответствующим бабушке Лукерье — *шаси* (мать отца). Дочь бабушки Лукерьи, тетка Люды, говорит о Люде при встрече: «Вот идет моя мать».

Сергей Т. — *ляксыс* Григория, младшего брата его отца. Его бабка Евдокия называет Сергея «сыном», «Григорием», а сына Григория (двоюродного брата Сергея) в разговоре с Сергеем называет «нанг похен» (твой сын). Вдова Григория зовет Сергея «мужем». Это представление о тождестве души и имени было распространено и среди сынских хантов. У них тоже имена детям давали в память умерших родственников и в быту обращались к ним соответственно: унанги — бабушка, аньхэ — тетка и т. п.

С представлениями о реинкарнирующей душе у северных хантов тесно связан обычай изготавливать куклу — вместилище души умершего, до сих пор сохранившийся у стариков¹⁹. Душа живет в этом изображении, пока не реинкарнируется в новорожденном.

Душа и имя, по поверьям, у хантов и манси тесно связаны друг с другом. Более того, некоторые их обряды свидетельствуют о том, что называть человека по имени — это то же, что обратиться к его душе. Существовал обычай не называть умершего по имени до тех пор, пока душа его не воплотится в новорожденном. Так, на Куновате, во время поминок умершего называли *шунгат*²⁰.

В. Ф. Зуев писал: «Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поминать не должен, а говорить об нем лишь околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена»²¹. С представлениями о единстве души и имени связан и обычай давать человеку обязательно новое имя: наличие двух одинаковых имен, соответствующих, по представлениям хантов и манси, лишь одной душе, могло вызвать смерть одного из тезок.

Возможно, среди имен хантов и манси, перечисленных в архивных документах, встречаются и прозвища (как встречаются и термины родства, заменяющие имена). Поскольку имя человека, связанное с его душой, было в прошлом табуировано, в документах могли найти отра-

¹⁹ З. П. Соколова, Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов, «Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги научных работ Ин-та этнографии в 1972 г.», М., 1974.

²⁰ *Шонгот, шунгат* — череп. Так называется на Нижней Оби изображение «вместилища души умершего».

²¹ В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 68.

жение не подлинные имена, «тождественные душам», а заменяющие их прозвища или термины родства, а может быть, и так называемые подставные или защитные имена. У обских угров особенно трудно отделить имя от прозвища: как сообщают В. Ф. Зуев, Г. Новицкий и С. К. Патканов, имена нередко давались, исходя из свойств характера человека. Материалы ревизских сказок свидетельствуют о том, что в них зафиксированы и наследственные, т. е. табуированные в прошлом, имена.

Интересен вопрос, связанный с женскими именами. В архивных документах, отражающих ясачную политику царского правительства в Сибири, женские имена не зафиксированы. В. Ф. Зуев, И. Г. Георги и другие считали, что женщины у хантов и манси имен не имели, так как в быту их всегда называли терминами родства. Но так в семье называли и мужчин. Поскольку обряд присвоения имени у хантов и манси был одинаков для мужчин и женщин, женские имена, видимо, все же существовали. В ревизской сказке по Обдорской волости нами отмечены два мужских имени — Жужа и Илдога (от последнего впоследствии, очевидно, была образована фамилия Ильдеков или Ильдехов). Среди венгерских женских имен есть очень сходные — Жужа и Ильдиго. Не говорит ли это о том, что женские имена у угров в прошлом были точно такими же, как и мужские? Ничего удивительного в этом нет: ведь они должны были даваться по названиям окружающих предметов, свойствам или качествам человека.

Итак, по ревизским сказкам мы можем восстановить наследственные имена отдельных семей. Составляли ли они фонд имен каких-либо более широких групп населения? Как мы уже отмечали, в большинстве случаев наследственные (как и все остальные) имена — разные в различных селениях, т. е. почти не повторяются. Это относится и к именам жителей отдельных волостей. Косвенным свидетельством такой неповторимости имен является и специфический набор фамилий хантов и манси, характерный для каждой волости (большинство фамилий образовано от имен).

Изучение наследственных имен показывает также, что в фамилиях зафиксированы именно те из них, которые на момент образования фамилий носили главы семей. Таким образом, представители одной генеалогической группы (дядья и племянники, родные и двоюродные братья) могли быть записаны под разными фамилиями в том случае, если имена их отцов, легшие в основу их отчеств, а затем и фамилий, не восходили к имени первопредка данной генеалогической группы. Судя по архивным данным, именно так и происходило. Материалы XVI в. показывают, что нередко в одной семье, где отец и сын имели разные отчества (например, Пой Неримов и Хози Поин), в дальнейшем в качестве фамилии оставалось только одно из них — Поин. Фамилия еще и в XVIII в. была неустойчива. Поэтому мы можем сделать важный вывод о том, что представители одной фамилии составляли лишь часть генеалогической группы. В селениях северных хантов конца XVIII в., как правило, проживали представители разных фамилий. Возможно, в прошлом они входили в состав одной генеалогической группы.

В. Н. Чернецов, останавливаясь на находках фигурок плоского литья в местах обитания хантов и манси, не без оснований связывает их с хранилищами изображений — «вместилищ души» определенных, по его терминологии, генеалогических тотемных групп²². По его мнению, в этих святилищах хранились души-имена, возрождающиеся в потомках данной генеалогической группы. Полевые материалы, собранные нами среди куноватских и сынских хантов, косвенным образом под-

²² В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала, Автореф. докт. дис., М., 1970, стр. 15, 18; его же, Наскальные изображения Урала, «Свод археологических источников», В4-12(2), М., 1971, стр. 81.

тверждают тот факт, что у северных хантов в прошлом существовал обычай хранить в определенных местах изображения — «вместилища душ умерших» семейной группы. Возможно, эти хранилища раньше были общими для всей генеалогической группы.

Таким образом, по всей видимости, у хантов в XVIII в. были фонды имен локальных групп (селение-юрта), а также, возможно, и имен генеалогических групп, происходящих от одного первопредка. Такие фонды, вероятно, существовали и в пределах таких территориальных образований, как волость.

Заканчивая анализ наследственных имен, следует отметить еще одну их особенность: имена эти встречаются как у взрослого населения, так и у детей различного возраста. Следовательно, наследственное имя могло сохраняться от рождения до смерти. Этот факт подвергает сомнению заключение В. Ф. Зуева о том, что имя давалось только с пяти лет и в 15 менялось. Исследователь мог не совсем правильно понять своих информаторов. В данном случае они могли иметь в виду обычай реинкарнации души, а следовательно, возврата имени в генеалогическую группу через пять лет. Что же касается изменения имени после 15 лет, то этот обычай к концу XVIII в. мог сохраняться лишь как пережиток и в архивных документах не отразился.

Приведенные нами материалы относятся к северной группе обских уртов. Существовали ли такие же имена и обычаи, связанные с ними у остальных хантов и манси? Выяснить это — задача будущих исследований.

Однако уже сейчас можно, видимо, ответить на этот вопрос положительно. Во-первых, у южных и восточных хантов прослеживаются сходные представления о душе, вместилищем которой могут быть антропоморфные изображения, одежда, белье, постельные принадлежности умершего²³. Во-вторых, характер имен и обычаев, связанных с их наречением, у всех групп хантов и манси в XVI—XVII вв., судя по исачным книгам и литературным данным, был одинаков. Более того, некоторые имена одинаковы даже у таких удаленных друг от друга групп, как северные и восточные ханты, западные манси и восточные ханты и т. п. Например, Кунема, Киняма или Кенома, Ленгир или Ленгырь, Кула или Кули и др.

Общность имен совсем не обязательно связывать только с их заимствованием или миграциями населения. Она может быть объяснена тем, что имена, данные по названиям каких-либо предметов или по характеру человека, на разных диалектах одного языка или даже родственных между собой хантыйского и мансийского языков могли звучать очень похоже, так как имеют одинаковые корни.

Крайне интересен вопрос о сходстве обычаев наречения имени, зафиксированных у северных хантов и нижнеобских ненцев (у последних тоже существовали предковые имена)²⁴. Его, видимо, нельзя объяснить простым заимствованием. Разумеется, отдельные имена могли быть заимствованы соседствующими группами друг у друга. Материалы ревизских сказок свидетельствуют о тесных брачных связях между хантами и ненцами Обдорской волости. Однако в именных ненцев и удаленных от них южных, западных и восточных групп хантов и манси обнаруживаются и далеко идущие территориальные параллели. Например, имя Нетти известно у ненцев²⁵, хантов Обдорской волости²⁶ и манси

²³ Г. Новичкий, Указ. раб., стр. 232; С. Паткапов, Указ. раб., стр. 145; Г. Старцев, Остяки, М., 1928, стр. 124; Г. И. Пелих, Происхождение селькупов, Томск, 1972, стр. 282—284.

²⁴ В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 65, 66; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 181, 182.

²⁵ Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 181.

²⁶ ГАТОТ, ф. 154, оп. 8, св. 30. Материалы ревизской сказки по Обдорской волости.

Сохвинской и Подгородной волостей, где от него была образована фамилия Нетин²⁷.

Нами проведен пока еще очень предварительный анализ ненецких и обско-угорских имен. Однако он позволяет высказать гипотезу о том, что северохантыйские и ненецкие имена и обычаи, связанные с их наречением, могут иметь корни в древнем аборигенном пласте и сохраниться со времени уральского единства аборигенов Западной Сибири.

Материалы по именнику обских угров свидетельствуют о наличии у них в прошлом предковых или наследственных имен, о существовании фонда имен генеалогической (позднее локальной) группы. В представлениях хантов эти имена были связаны с душами данной группы, которые возрождались в новых ее членах. Они давались через некоторое время после рождения ребенка во время обряда определения души. Возможно, в прошлом у обских угров были и вторые имена — повседневные или подставные, о характере которых мы ничего не знаем. Их могли заменять и прозвища. Возможно также, что среди зафиксированных архивными документами имен встречаются как предковые, так и повседневные, подставные. С христианизацией обских угров в XVII в. роль таких подставных имен стали, вероятно, играть христианские. Они могли быть защитными или охранительными, поскольку заменяли подлинные, традиционные, табуированные имена. Специальные, защитные имена, о которых пишет С. Патканов, давались скорее всего не всем детям, а лишь тем, здоровье которых внушало опасение, или детям тех семей, где они часто умирали.

О двойной смене имени у одного человека на протяжении всей его жизни (в 5 и 15 лет) архивные материалы ничего не сообщают. Более того, они дают основание считать, что предковое имя человек носил от рождения до самой смерти. Следовательно, либо предковое имя давалось лишь в 15 лет, а до этого пользовались повседневным подставным, либо этот обычай в начале XVIII в. уже отмирал.

HEREDITARY OR ANCESTRAL NAMES AND RELATED CUSTOMS AMONG THE OB'RIVER UGRIS

The author examines the so-called hereditary or ancestral Khant names that she has uncovered in the 1795 population count for Obdorsk Volost' (in Berezov Uyezd of Tobolsk Province) and the system under which they are inherited. The materials are preserved in the State Archive funds of Tyumen' Oblast'. These data supplement and show in more concrete detail the materials on naming children after deceased persons collected by V. S. Zuyev in 1771—1772 among the same groups of Khants. The materials are also compared in the paper with those in literary sources and with the author's own field data in which customs arising out of the concepts of the Ob'River Ugris on the soul and on name-giving are also examined.

²⁷ ГАТОН, ф. 156, оп. 20, № 702. Материалы метрических книг.